Она свиряла.

Коммунистическая на этой интер-

ной кант вышла такие узоры, какие сейчас на русской сцене уметь шить очень немногие. Тонко, красиво и умно передала она именно гамусуновскую ароматизацию земли. Чувствовалась запах лесной хвои. Захватывающий и бодрый. Здоровый и красивый. Чувствовалась прелесть, прелесть живого чувства, молодого тела. Партия чувствует, а не рабашия плоти. Это грань, трудно провести, и тут же опасна роль Элины. Но талант Коммунистической сдвигал это.

В Художественном театре Элину играла г-жа Лизина. Ея Элина ближе пришла к Тургеневу, чем к Гамусу. В ней являлись силы, являлись гамусуновские посылки, являлись следствия. Она была соткана из мимовых тонов и блестящих красок. Красивых, порох страшно красивых, но, повторю, не гамусуновских. Эта Элина — мифическая. И вымывала мужу и недовольство жизни исходить из ней не отъ черепомна натуре, не из болячек, задерживающих здоровую инстинкта. Она изменяется не потому, что в ней горит и сверкает радость жизни, смех, ея. Ивтъ, Элина-Лизина страдает и мучится сдержанным чувством обидной ровности. Такой простой, маленькой. Несложной и ясной.

Въ этих рамках артистка сдвигала много. Очень много. Эту маленькую женщину было жалко. Она так мило воспеивала. Так женственно ходила. Говорила. Грустила. Стыдилась. Но, конечно, мыслитель Карено она должна была быть чужда, как чужда была и самому Гамусу. Его Элина — своего рода „сверный богатырь“. Она сильно критиковала дорогие запаходы фюрда. Смыломъ тла. Красиво, создающей чувствительностью молодого, ругающего къ солнцу тла.

От такой Элины г-жа Лизина была безусловно далека, но въ своих упрощенных рамках давала, — подеркивая, — радость выходящих, грациозных полуховских, полутургеневских переживаний, отъинков, моментов.

На фоты такой Элины выдвигались режиссерские художественного театра и немъ пьеса Гамуса. Ее пригнали къ немъ. Ее построили въ тонках „скупной истории“ въ таком-то мѣстѣ и въ такое-то время приключаются. Ее являла ароматизация, души, музыки. Ее, если можно такъ выразиться, сработалиларовали съ жизни. А пото-

му, конечно, и не была обижена идейная сторона пьесы — антигиза империализма и мысли.

Какъ г-жа Лизина-Элина не давала инстинкта, такъ г. Качаловъ-Карено не давал мысли. Г. Качаловъ могъ это сдѣлать и въ режиссерской раскладировки. Въ первомъ актѣ профессоръ Галингъ (г. Маслятинковъ) даетъ достоящую характеристику Карено. Онъ называетъ его мыслителемъ. И Элина съ гордостью повторитъ: „мой мыслитель!“ Г. Качаловъ, не обращая вниманія на это, игралъ по просту какого-то раскладанного, добродушного мужичка, пинущаго трагическую полемичку съ Милемъ. Г. Качаловъ повторилъ ту-же ошибку, какую дѣлалъ осенью въ труппѣ Коммунистической талантливый актеръ Браничъ. Ни Карено Качалова, ни Карено Бранича спорить съ Милемъ не имѣло права. Это по-просту честное, флюидософствителю обыватель. Не больше.

А мыслитель Гамусуна — это мыслитель озаренныхъ яркими солнцемъ горныхъ высотъ. Какъ Элина живетъ здоровымъ, хочущимъ тлакомъ, такъ Карено живетъ здоровой, посвященной тла, но допускающей компромиссы мыслию.

Но было этого у г. Качалова. Но было и Клуца Гамусуна вообще въ Художественномъ театре. Если артистъ скучалъ, онъ былъ правъ. Его недоумие было закономъ. Какъ анекдотистъ, какъ авторъ занимательныхъ фабулъ, Клуца Гамусуна не имдерживаетъ критика, а какъ поставленого не давъ Художественный театр.

ЗМ. БЕСКИНЪ.

Русские люди.

У царскихъ вратъ.

Пьеса.

На сценѣ Художественнаго театра слова возникли Иванъ Карено в ого жене Элины. Но это не тотъ Карено и не та Элина, въ которыхъ мы заинтересовались на той же сценѣ два года тому назадъ; я она, а она малюго тла въ десятъ лѣтъ.

Карено, олдотворенный тогда г. Стасюлавскимъ, теперь изображаетъ г. Качаловымъ; тогда имъ являла вступила часть трилогия Клуца Гамусуна, а теперь являемъ первую.

Эта самостоятельность очень дѣлала, такъ какъ три пьесы Гамусуна: ея вратъ дѣтства, „Древня книга и

„Вечерняя заря“ представляютъ, въ послѣдствительномъ развитіи фабулы, одну и ту же славу. Слала эта является такъ:

„Жизнь-былъ человекъ, который не могъ по хотѣть подчиниться...”

Этихъ словъ заглавливается вся трилогия, въ третью часть.

Странная, но глупо все человѣчество, слала.

Жизнь-былъ человекъ, который не могъ по хотѣть подчиниться. Этого человека звали Карено. Въ первой части его истории Карено была несчастна вперя, три-четыре утомилъ, такъ сильно вызвалъ противъ себя въ бой не только силы земли, но и силы неба.

Онъ находилъ въ пограничной ассоциаций съ господствующими научными теченіями и съ господствующими теченіями обществальности, политикъ.

„Вотъ либерализмъ, который слова имѣлъ стары противостоятельный обмыслъ. Тутъ такой слала, въ два десятилетия, нога сама выбрать себя вымыслъ въ три десятилетия, — ому глубже враждебна. Отъ являл и крайній индивидуализмъ. Отъ являл въ притвореннаго вселеннаго, въ десятка по приходу, въ повеленія, въ тоге, что не выбирается, но самъ становится являемъ поущающа являемъ являемъ.”

„Я вѣрю и вѣрится только на одно, на всареннаго вселеннаго террориста, инстинктовнаго членовна, Царизмъ...”

За лѣтъ совершенно безразлична оупности этой зары Карено, да въ слала только те, что это „глубочайшая заря, ради которой въ глотахъ поступилъ и поступается являемъ являемъ являемъ.”

Онъ являемъ въ являемъ инстинктъ, въ оспонствительномъ являемъ пристрастия, который являемъ оспонствительномъ на деле оспонствительномъ оспонствительномъ, его утомилъ труда являемъ не оспонствительномъ печалью, потому что онъ являемъ не себя тла въ старикъ, авторитетный представителю науки, онъ не могъ получить им докторской степени, им мужской ену, да утомилъ являемъ являемъ являемъ. Онъ оспонствительномъ инстинктъ въ тла въ являемъ, не онъ оспонствительномъ являемъ, и тла являемъ, оспонствительномъ въ являемъ, которая являемъ въ являемъ съ президентскимъ тлакомъ.

„Въ оспонствительномъ, въ оспонствительномъ старика на оспонствительномъ — профессоръ. Въ оспонствительномъ тлакомъ не являемъ инстинктъ являемъ являемъ, являемъ въ являемъ протестантъ оспонствительномъ, потому что оспонствительномъ на являемъ являемъ, а являемъ оспонствительномъ въ войну.”